

9-е издание

Лев
ПРОЗОРОВ

«ИДУ
НА
ВЫ!»

Подвиги
Святослава

Лев Рудольфович Прозоров

«Иду на вы!»

Подвиги Святослава

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5008286

Лев Прозоров. «Иду на вы!» Подвиги Святослава: Яуза-пресс; Москва;

2013

ISBN 978-5-9955-0526-6

Аннотация

«Иду на вы!» – эти гордые слова вписаны в русскую историю золотом: воинская честь не позволяла князю Святославу выступать в поход без предупреждения, не бросив врагам открытый вызов. Последний Государь Языческой Руси, величайший полководец Средневековья, сравнимый лишь с Александром, Ганнибалом и Цезарем, непревзойденный воин, которого на Родине прозвали Храбрым, а враги величали Полубогом, – Святослав пронес русские знамена от Кавказа до Балкан, сокрушил чудовищный Хазарский каганат и навел ужас на могучую Византию. Его победы прославили русское имя и русское оружие в веках. Его княжение стало вершиной нашей древней истории. А его трагическая гибель в неполные тридцать лет, больше похожая на ритуальное жертвоприношение, знаменовала конец великой Языческой эпохи. И даже убийцы-печенеги, поднимая чашу, сделанную из

его черепа, провозглашали: «Пусть наши дети будут такими, как он!»

Содержание

Посвящение	6
Благодарности	7
Предупреждение	8
Род и родина. Языческая держава	9
1. «Племена» или Держава?	9
2. Страна Городов	20
3. «Русские письмены» и иные диковины	32
На море-океане, на острове Руяне...	50
1. В тени Магометова гроба	50
2. Варяги – незамеченная загадка	62
3. Кто на море хозяин?	76
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Лев Прозоров

«Иду на вы!»

Подвиги Святослава

9-е издание

Тень Святослава скитается невостаново...

Н. Гнедич

*Как изменился лик Земли!
Мы лишь поем о великанах,
О тех героях, что ушли,
Оставив сталь свою в курганах...*

*А. Арипушкин (Светозар),
«Пророчество»*

*На нем лежит, как символ посвященья,
Арийской чистоты последняя печать.
Он – Бог Войны, он – призрак
отомщенья,
Мы смотрим на него, и... глаз не оторвать.*

С. Яшин

Посвящение

Винаяке – Попутнику, чей смех на закате рассыпался в небе путеводными звездами.

Всем, кто делит со мною тяготы и радости Пути.

Благодарности

Роду Всеотцу за этот мир.

Макоши Пряхе – за долю и недолю.

Перуну Метателю Молний – за силу и решимость.

Волосу Отцу Могил – за знание, память и слово.

Предкам – за кровь в моих жилах и нашу землю.

Доброславу – за Коловрат.

Сэру Гилберту Кийту Честертону – за логику и стиль.

И.Я. Фроянову, А.Г. Кузьмину и А.Л. Никитину – за открытия и идеи.

Моему научному руководителю В.В. Пузанову – за терпение и терпимость.

Русскому художнику Расславу (А. Гусельникову) – за помощь.

Стрюю, Вадиму, Беде, Змею и Арьядеву – за участие и хорошие советы.

Огневеду (Ижевск) – за астрологическую консультацию.

Стихотворцам, в особенности из творческого общества «Солнцеворот» и объединения «Равноденствие», а равно и Светобору из Зуевки – за отличные стихи.

Всем, кто помог создать и издать эту книгу.

Предупреждение

Убежденный христианин, мусульманин или иудей может испытать неприятные ощущения при чтении этой книги. «Кто предупредил, тот не виноват!», как говорили викинги.

Гуманистов, либералов и интеллигентов убедительно просят не читать эту книгу.

Род и родина. Языческая держава

*Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок поднимает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?
Случайные гости? Орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?
Иль мы – тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поет
Созвучно с напевом санскрита?*

В.Я. Брюсов, «Старый вопрос»

1. «Племена» или Держава?

*Я знаю – далеко в былом
Тот мир, что я искал.*

А. Ариунушкин (Светозар)

Маленькая страна Македония подарила мировой истории Александра Великого. Весь мир знает римлянина Юлия Цезаря. Однако мало кто за пределами России знает воина,

сравнимого с Александром и Цезарем, а как правитель и человек безмерно превосходящего их, – великого князя Киевского Святослава Игоревича, прозванного Храбрым.

Более того, сейчас и из русской памяти его пытаются вычеркнуть, вытеснить. Выходят книжки по Русской истории, где нашему герою уделяются две-три странички, если еще не строчки. А то нет и того, как в неведомо зачем переизданной дореволюционной детской книжке «Моя первая русская история», где за Ольгой сразу идет Владимир. Словно и не было Святослава Храброго, которого даже враги почтительно называли «царствующим на север от Дуная» и сравнивали с древним героем Ахиллом.

Есть сочинители похитрее: «Да-де, был такой разбойник-гуляка, на соседей набеги устраивал, ничего, кроме грабежа, и знать не знал. И погиб по-глупому, в одном из своих налетов».

Что здесь скажешь? Знать, и тысячу лет спустя кому-то страшно и ненавистно его имя. Знать, и сегодня не дает кому-то спать его слава.

Впрочем, что один человек, даже такой, как Святослав Храбрый. В иной нынешней книге прочтешь, что и Руси-то, оказывается, в его времена не было. Не было державы. Были одни «племена», с которых брали дань чуть менее дикие норманны.

Чем же была на деле страна, в которой родился наш герой? Как ни удивительно – историки не знают, была ли Русь

той поры государством. Просто потому, что не знают, что же, собственно, такое – государство. Сталкивается столько определений государства, столько его трактовок и версий его появления, что перечисление их само по себе составило бы главу, а изложение – книгу. Русь называют «варварской державой», «суперсоюзом племен», «протогосударством»...

Проще говоря, историки на наш вопрос ответа не знают. Так не проще ли, чем вникать в дебри их споров, обратиться к современникам? Как смотрели они на наших предков? Кого видели в правителях Руси – племенных вождей или правителей державы?

Западная Европа Средневековья относилась к титулам более чем серьезно. Серьезнее она относилась только к господу богу и христианской вере. За неправильное употребление титула там вызывали на поединок, отправляли на плаху, объявляли войну. Так вот, с самого начала, с сообщения Бертинских анналов о посольстве «народа Рос» к императору франков, Людовику Благочестивому, в 839 году, правителя русов именуют «королем». Через сто с лишним лет, в «Хронике Продолжателя Регинона», княгиню Ольгу, Елену в крещении, назовут «королевой Еленой». И далее, вплоть до «короля Полоцкого» и «короля Суздальского» хроники Генриха Латвийского. Вождей племен – скажем, куршей, ливов, половцев – «королями» никто не величал (а забавно читать в хрониках про «сеньора ливов» или «половецких баронов»). Больше того, иных правителей заведомых государств,

христиан-католиков из Чехии или Польши, именовали всего лишь «дюками» – князьями.

Восточные авторы тоже называют русских князей не «раисами» – главами, старейшинами, – а «царями» или даже каганами – титул *императорский*! Араб ибн Хаукаль поясняет: «Ар-Рус, так же, как аль-Хазар и ас-Серир, – это название *государства*, а не людей и не города». «Ас-Серир» – это княжество в Предкавказье, а «аль-Хазар» – Хазарский каганат, уничтоженный нашим героем. То есть оценка Руси-государства относится, самое позднее, ко временам его детства. *Каким* государством был каганат, мы еще расскажем, а сейчас нам важнее, что он, несомненно, *был* государством.

Не признавала за русскими правителями достоинства государей, именуя их «архонтами» (старейшинами), лишь надменная Византия. Так она и за болгарским царем, и за эмиром Египта, и даже за кайзером Священной Римской империи германской нации отказывалась признавать царский титул. Византийцы именовали свою страну Восточным или Вторым Римом, а себя – ромеями, римлянами. Соседи называли их греками, а название Византия вошло в историческую литературу с легкой руки итальянских книжников заката Средневековья. Ромеи смотрели на вещи просто: есть их Империя. И есть варвары, среди коих с горем пополам выделяли франков, остальные же были в византийских глазах почти равны – будь то вождь племени или могучий правитель.

Впрочем, когда припекало, византийский чиновник мог величать русского князя «царствующим». А проповедник Илларион при сыне Святослава писал о нем и его отце, Игоре: «Не в худой и не в неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли». Как видно, и он считал языческую Русь не сбродом «племен», а едва ли не мировой державой.

Итак, современники почти единодушно почитают Русь X в. державой, сопоставимой с Хазарским каганатом и королевствами Запада.

Могут сказать: «Мало ли что думали современники! Где единая система управления? Ведь иными землями до XII века правили не наместники киевского князя, а князьки из местных знатных родов! Где аппарат? Ведь князь вынужден был сам по полгода объезжать земли с дружиной, собирая дань! Где, наконец, внешняя по отношению к обществу власть? Вот, в договоре вашего Святослава: «А со мною бояре и русь вся». Стало быть, вместе с князем заключали договор не только бояре, но и все русы! А значит, власть не отделялась от общества. Какое же это государство?»

Ответим: точно то же самое было в державе франков. И не при Хлодвиге, в годы основания. И не при Карле, в годы расцвета. А при потомках Карла, при том самом Людовике Благочестивом. Так же правили в своих землях «племенные герцоги». Так же по полгода колесил по стране король или император, собирая дань и творя суд. Всей разницы, что он

ездил летом, а не зимой. Так по римским дорогам удобнее ездить как раз летом, а у нас и поныне в иные края иначе, чем по речному льду, не доедешь – ну, или вертолетом еще. И точно так же собирались на законодательные собрания «все франки». И даже саксы так же бунтовали против франков, как древляне или вятичи против русов, даже успешнее. Саксы добились-таки независимости, усадили на престол державы восточных франков свою, Саксонскую династию. Древлянам такое и не снилось!

Но кто же усомнится, что захватившие пол Западной Европы, отбившие натиск сарацинских орд франки – Держава? Кто махнет рукой и примется плести про «племена»?

Кстати, а о каких «племенах» речь?

Летопись действительно упоминает древлян, дулебов, уличей, словен, кривичей, полян, вятичей, северу, тиверцев... Только племенами их не называет. Это уже ученые XIX века приложили к летописи этнографический термин. И приложили весьма неудачно. Древляне, вятичи и прочие – *не племена*. Летопись их упоминает в одном ряду с западнославянскими лютичами и поморянами. И земли они занимают примерно такие же. Но лютичи – не племя. И поморяне не племя. Это, выражаясь суконным языком этнографической науки, союзы племен. Лютичи, к примеру, это ратары, хижане, чрезпняне, доленчане и еще с полдюжины племен помельче. Не меньше, наверно, племен входило в союзы древлян или кривичей. В союз вятичей, по археологиче-

ским данным, входило шесть племен. Вот только союзы племен сложились у восточных славян так давно и прочно, что про отдельные племена памяти не осталось. Совсем. Видно, к началу летописания никто про них и не помнил.

А союз племен – это явление принципиально новое. Не родовое, а политическое, территориальное. Отсюда уже шаг-два до государства. И действительно, в союзах, упоминаемых летописью, есть и «княжение свое», и «законы отцов своих». Не обычаи, тут же отдельно упомянутые, именно *законы!* И отношения между этими княжениями не сводились к пресловутым распрям. Еще до Рюрика «жили мирно поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты».

Как назвать всех этих древлян, вятичей и тиверцев, не на ученом жаргоне, а живым русским языком? Опять обратимся к летописцу. В один ряд с ними он ставит литву, немцев, свеев-шведов... верно, читатель. Народы! А по-древнерусски – «земли». «Послала нас к тебе Древлянская земля» – не «племя»!

Поэтому договоримся, читатель, – не будет в этой книге «восточнославянских племен». Да, привычно. Но не всякая привычка во благо. Эта – вредна вдвойне. Она искажает истину. И позволяет нам смотреть на предков свысока. «Племена» – что-то папуасско-ирокезское, шкуры и каменные топоры. Тем паче что сейчас немало охотников поддерживать этот взгляд. Вспомните фильм «Тринадцатый воин». Славяне-«вендели» изображены размалеванными дикарями,

размахивающими палицами и каменными топорами (в эпоху викингов!), обитающими в пещерах людоедами. При этом они ездят верхом в *седлах со стремениами* (где ж они коней в пещере держат?) и растаскивают городьбу поселка викингов-колонистов *железными* крючьями на веревках. В фантастическом романе «Возвышение Криспа» Гарри Тертлдава, историка, специалиста по истории Византии, изображен фантастический двойник этой державы, Видесс. К северу от его границ, за рекой Астрис (Истр-Дунай), обитает страшное племя кубратов. Эти одетые в шкуры бородачи живут в юртах, не умеют возделывать землю и угоняют видесских крестьян. Столица кубратов – город Плискава, а правит ими *каган*(!) Маломир. Его послов зовут Глеб и Бешев.

Это все фантастика. А вот что пишут в серьезной научно-популярной книге «Викинги» Ф. Уингейт и Э. Миллард: «В VII – X веках Восточная и Юго-Восточная Европа подверглась нашествию... кочевых народов, пришедших из степей. В их числе были печенеги, *славяне*, авары, болгары и мадьяры»! Книжка эта выпущена в издательстве «Росмэн» и «может быть рекомендована школьникам в качестве учебного пособия по истории». Хорошо пособие! Начитавшись подобной литературы, один юный испанец недавно писал своим русским сверстникам: «Вы до 1700 г. (!) были кочевниками, а потом пришли викинги и дали вам государственность». Судя по дате, к викингам парень отнес Петра I. С такими «пособиями» скоро и русские школьники будут смотреть на

языческую Русь как на какую-то первобытную орду диких «племен».

Киевская Русь в IX–X веках

Летопись никаких «племен» не знает. Были княжества-«княжения». Были «земли» и населявшие их народы, объединенные в державу русов предками нашего героя. Державу, на которую и Восток, и Запад смотрели, как на равную себе.

2. Страна Городов

*Город над городом, ряд над рядами,
Стены в сажень – тараном тарань,
А в стенах дары завалили дарами
Киев, Суздаль, Тьмутаракань.
Вся Русь от Корчева до Онеги,
От Волги до Ильменя, от Югры до Карпат
Раскинулась в праздности, холе и неге
Среди посадничьих крепких палат.*

С. Наровчатов, «Василий Буслав»

Лет десять-пятнадцать назад в редкой книжке про Киевскую Русь нельзя было прочесть, что скандинавы называли Русь Гардарик – Страна Городов. Пишут об этом и нынче, но редко кто преминет заметить, что-де слово «гард» в скандинавских наречьях обозначало вовсе не город, а просто ого-роженное поселение, хутор.

Символ Людинского конца

Так что же – «Страна Хуторов»? Чем же тогда Русь отличалась в глазах скандинавов от их родины? Хуторов там было побольше, чем на Руси. И еще – Новгород по-скандинавски Хольмгард. Киев – Кенугард. Пожалуй, найдутся охотники утверждать, что в IX – X вв. эти русские города были, мол, не более чем «огороженными местами». И мнение Титмара Мезербургского, называвшего Киев «соперником Константинополя», «знатокам» не указ. Что им какие-то современники и очевидцы! Они, спустя тысячу лет, лучше знают – не мог быть Киев соперником столице Византии, и точка! Вот

только сама эта столица в сагах называется... Микльгард.

Вислая печать Великого Новгорода с изображением эмблемы – орла. XV в.

Константинополь, мегаполис раннего Средневековья, Восточный Рим, который его жители называли попросту Городом, не признавая других во Вселенной, – хутор?!

Загадку слова «гард» мы разрешим позже. Пока же «на предстоящее обратимся», как писали летописцы, когда им случалось, закончив отступление, возвращаться к основной

теме.

Могут сказать что, мол, скандинавы могли понимать в городах?! В Скандинавии их было – буквально по пальцам перечесать. Это так. Но ведь саги складывали в годы походов викингов, когда скандинавы осаждали Париж и Лондон, а Страной Городов отчего-то называли не Францию и не Англию. Даже не Италию, до которой реже, но тоже доплывали.

Баварский Географ родился, как очевидно из прозвища, в цивилизованном по тем временам краю, не то на границе бывшей Римской империи, не то в пределах ее провинции. Он перечисляет города восточноевропейских славян. Для каждой земли Географ называет двух-, а то и трехзначное число. Он тоже не знает, что такое город?

Араб ибн Русте пишет, что у русов «много городов». Неужели представитель цивилизации, породившей Багдад и Каир, не мог отличить города от «огороженной деревни»? Для сравнения – другой мусульманин, ибн Хордадбег, пишет, что в Византии – *в Византии!* – настоящих городов только пять. Остальные – как раз огороженные деревни.

Вывод, кажется, ясен. Опять свидетельство современников-иноземцев вносит ясность в путаницу историков. Люди разных народов, стран и вер, люди, безусловно, знакомые с городами, единодушно утверждают, что у русов во времена Святослава были *города*. Притом в количестве, производившем впечатление не только на полудиках скандинавов, но и на более чем цивилизованных арабов.

Несколько слов о двух важнейших городах той эпохи, двух столицах Руси – Новгороде, с которого началась династия Рюриковичей, династия, к которой принадлежал наш герой, и стольном Киеве.

В книгах часто можно прочесть, что в Новгороде не открыто следов поселения до середины X века. Делается вывод, что и сам город возник не раньше, а значит, все сообщения летописей о событиях в северной столице Рюриковичей в IX – начале X века недостоверны. Тут сразу возникают два встречных вопроса. Во-первых, какой процент густо застроенной территории исторического центра Новгорода изучен археологами? Во-вторых, в Северной Руси города часто перемещали с места на место. Мы можем это уверенно сказать о Смоленске и Полоцке. Белоозеро за свою историю вообще побывал едва ли не на всех четырех берегах бывшего ему имя водоема. Не всякий решался строиться на месте города, уничтоженного пожаром, войной или моровым поветрием. Некоторые ученые считают, что первоначальным Новгородом было Рюриково Городище чуть выше по течению Волхова. Другие выдвигают любопытное предположение – будто бы речь в древнейших статьях летописи шла не о Новгороде, а о Невгороде – том, что мы сейчас зовем Ладогой. Ладожское озеро называлось в Средневековье Нево-морем. Тем более что Константин Багрянородный называет в X веке на севере Руси некий город Немогард, обычно в нем и видят Новгород. Другое дело, что Ладога под этим самым именем

известна русским летописям с самого начала, и в сагах скандинавов она зовется Альдегой – явная переделка славянского названия.

Вислая печать с изображением зверя. XV в.

Что до самого Новгорода, то он, как считают ученые, сложился из трех поселков разных народов, превратившихся в городские районы – по-древнерусски «концы». Поселок кривичей стал Людиным концом, поселок словен ильменских – Словенским, а поселок балтского племени нерева – Нерев-

ским. У каждого «конца» был свой символ. Воин в доспехе, шлеме, с копьем и четырехугольным щитом символизировал Людин конец, хищная птица клевала рыбу на эмблеме Неревского, на гербе же Словенского красовался неведомый «лютый зверь» в пятнах и с длинным хвостом, с приподнятой передней лапой, очень похожий на обереги, которые ученые по привычке именуют «коньками», хотя передняя лапа выдает в звере хищника, а хвост и морда на конские вовсе не похожи, и на «барсов», что и тысячу лет спустя украшали вышивки Русского Севера. Остальные два «конца» – Загородный и Плотницкий – появились много позже.

Киев тоже вызывает немало споров. Недавно отмечали его 1500-летие, сейчас же говорят, что и он возник чуть ли не в X веке и происходит его название не от имени князя Кия. Легенду о Кие и его двух братьях считают какой-то книжной выдумкой, а их имена – производными от названия города и его частей. Вместо этого нашли в каком-то документе имя хазарского полководца Ахмада бен Куяя, то есть Ахмада, сына Куيي. Вот папа-то этого хазарина, этот, извините, Куяя, и основал-де Киев. Я отнюдь не шучу, читатель, – это можно прочесть в серьезных научных трудах. Чем это лучше «воплей, будто русские – этруски», я, признаться, не очень понимаю. Разве что унижение славян и приписывание всех их деяний иноземцам считается в наше время признаком научности. Естественно, ни в каких источниках нет и намек на то, что Киев основали хазары, что сам Ахмад или его отец

когда-либо приближались к днепровским берегам. Более того, мусульманская армия Хазарии – а Ахмад, судя по имени, мусульманин – состояла из наемников, так что отец полководца мог быть мирным персидским или хорезмийским подданным, возможно, гончаром, башмачником или земледельцем.

Легенду же о Кие, Щеке и Хориве записал армянин Зенобий Глак. И записал он ее в *VII* *веке!* То есть еще до возникновения Хазарского каганата даже в далекой Армении слышали про Киев и его основателя. Впрочем, недавно мне довелось прочесть, что летописец, монах Киево-Печерского монастыря, просто-де переписал эту легенду у Глака и приспособил ее к Киеву. В ответ попросту расскажу одну историю. Дело было в той же Печерской обители, во времена, когда там записывали Повесть временных лет. Известный праведной жизнью монах Агапит захворал. Князь Владимир Мономах прислал к нему лекаря. Армянина. Больной долго вглядывался в лекаря, наконец спросил, кто он, и, получив ответ, гневно закричал: «Да как ты смел келью мою осквернить и меня за мою грешную руку брать? Изыди, иноверец и нечестивец!» Другой печерский монах, записавший эту историю, удовлетворенно завершает: «И армянин, посрамленный, ушел». И специалист по истории Руси пытается убедить нас, что в *этом* монастыре могли читать книги тех, чье присутствие оскверняло? Использовать предания «иноверцев и нечестивцев» для рассказа о прошлом родного

города?! Пусть Кий с братьями – сказка. Но почему нельзя признать за предками способность хотя бы сказки сочинять самостоятельно? Поистине, удивительные люди – историки.

Однако города – это не просто укрепленные поселки. Города – это прежде всего ремесло. В последнее время из книжки в книжку кочует рисунок рукоятей мечей так называемого каролингского типа. И подпись – мол, «мечи были предметом массового ввоза на Русь». Это правда, но лишь отчасти; точнее, это полуправда, та самая полуправда, что подчас хуже лжи.

Да, мечи этого типа начали изготавливать в империи франков, при династии Каролингов, откуда и название – «каролингский тип», или короче – каролинги. На Руси их называли Каралужными или Харалужными. На плоскостях – по-древнерусски «голоменях» – клинков стоят имена оружейников, хозяев мастерских, – «Ульфберт» и «Ингельред». Основатель династии, император Карл, особым указом в 805 г. запретил продавать мечи славянам. Продавали! Араб ибн Фадлан пишет про русов: «Мечи у них франкские». Да, все правда... но не вся правда.

Как не одна Русь покупала такие мечи – их покупали и немцы, и скандинавы, и итальянцы, – так и на Руси их не только покупали. Ковали и сами, причем русские мастера создали свой, легко узнаваемый тип каролинга. Клинок и рукоять («черен») были длиннее. Перекрестье («крыж») было не прямым, как на каролингах франкской работы, а дугой, с вы-

гнутыми к клинку концами. Так же, дугой, обращенной к рукояти, был изогнут внутренний край набалдашника-противовеса, венчавшего рукоять («яблока»). Все отличия сводились к одному – из изначально пехотного меча сделать оружие всадника! Таким мечом можно было не только рубить или резать, но и сечь с седла. Не зря после боев с войском нашего героя в Болгарии византийские мародеры собирали мечи «россов», а за четверть века до того в Закавказье местные мусульмане в поисках мечей разрывали могилы русов, умерших от заразы. Нужно помнить, какой – вполне оправданный – ужас внушали тогда людям моровые поветрия, чтоб оценить этот факт! И византийцы, и мусульмане были преимущественно всадниками, и их не заинтересовали бы так настоящие франкские клинки, плохо приспособленные для верхового боя.

О производстве русами «отличных мечей» пишет Персидский Аноним в IX веке. Арабский таможенник ибн Хордадбег сам говорил через переводчиков-славян с русскими купцами и осматривал привезенный ими товар «из отдаленнейших славянских земель»: «заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи». Не только «предметом ввоза» были мечи на Руси – русы сами ковали их и продавали, продавали в страну дамасских клинков! И там находили их «отличными». Это не могла быть транзитная торговля. Помимо всего, что уже сказано, представьте только, как вздорожал бы меч, вывезенный из державы франков *контрабандой* (вспомните приказ

императора Карла!) и провезенный через всю Восточную Европу. Меч трудно назвать удобным в транспортировке, легким товаром. Он тяжел, он остр и боится ржавчины. Да и исходная цена была не мала – до 4 кг золота, по подсчетам итальянского исследователя Ф. Кардини.

Если всех приведенных доказательств покажется кому-то мало, приведу еще одно. На двух мечах стоят славянские имена мастеров. Это знаменитый «Людота коваль» времен моего героя. И второй – сороковые годы X столетия, времена его отца, Игоря Рюриковича. На клинке имя – «Славимир».

Вот они, кузнецы-русы X века. Их имена будут более чем уместны в этой книге. Ведь победы моего героя, победы его воинов – это и их победы. Это Славимир с Людотой и иными, ныне безымянными, отковали мечи, что прикончили чудовище нашей истории, Хазарский каганат; раздвинули к Волге и Крыму русские пределы; одним блеском гнали по Болгарии византийских прихвостней; рубили дорогу на Царьград... жаль, недорубили.

Итак, в русских городах X века ремесленники ковали мечи, не уступавшие, по мнению современников, ни франкским, ни арабским. Да и не только мечи – ибн Русте называет прекрасными кольчуги славян, а французская поэма «Рено де Монтабан» рассказывает, как заглавный герой приобретает «великолепную кольчугу из Руси», вследствие чего приобретает среди воинов императора Карла славу непобедимо-

го. И мечи, и тем более кольчуги подразумевают очень высокий уровень ремесла. Как мы видим, высоко ценили ремесло русов и чужеземцы.

3. «Русские письмены» и иные диковины

*Молчат гробницы, мумии и кости.
Лишь слову жизнь дана.
Из тьмы веков на мировом погосте
Звучат лишь письмена.*

И. Бунин

*Древний наш мир изучал я по книгам славянским
—
Грамотам русским, написанным греческой
буквой.
Взяв алфавита народом для собственной пользы
Взята у греков. Отечественных говоров звуки
К буквам чужим он подладил, оставишь собою.*

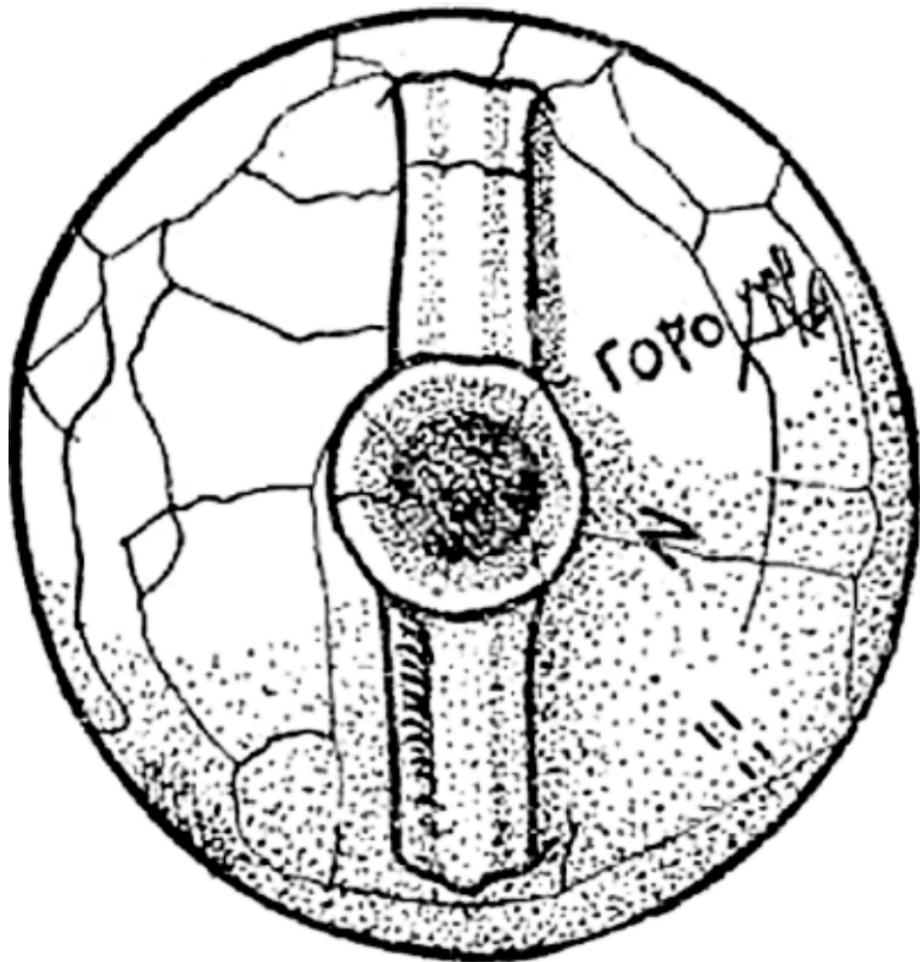
Николай Гусовский, «Песня про зубра»

Мы невзначай коснулись еще одной темы. Заметили? На клинках – надписи. По-славянски. До крещения Руси. Значит, уже тогда и те, кто ковал мечи, – ремесленники! – и тем паче те, кто эти мечи покупал, были грамотны. На самом деле, о грамотности русов сохранилось немало свидетельств. Ибн Фадлан пишет, что на могиле сородича русы установили столб с его именем и именем «царя русов». Другой араб,

Аль Недим, видел некий «пропуск», начертанный русским воеводой для посла иноземцев «на куске белого дерева».

Однако я сейчас вовсе не хочу вдаваться в долгий спор о древнеславянской письменности; о том, какими это «чертами и резами» писали и гадали славяне, по сообщению черно-ризца Храбра, в те поры, когда «книг не имели». Обратимся к простым и ясным свидетельствам грамотности на Руси времен нашего героя. Славимир и Людота не были исключением. На знаменитой «гнездовской корчаге» середины X столетия тоже найдена славянская надпись. Одни ученые считают, что на корчаге написано «гороухща» – горчица, другие – что неизвестный рус, скорее всего купец или приказчик, оставил потомкам свое имя и надпись следует читать «Гороух пса», то есть «Горух писал». Так или иначе, перед нами еще одно свидетельство грамотности простого, не знатного человека языческой Руси. Наконец, в Новгороде найдена, в слоях X века, очень любопытная вещь. Это деревянная бирка – своеобразная пломба для мешка с княжьей данью. Можно сказать, юридический документ! Бирка-пломба помечена личным знаком старшего сына и наследника нашего героя, Ярополка. Сборщик дани, как все люди языческого Севера, был не чужд поэзии и внес ее даже в столь прозаичный предмет. Надпись гласит: «Мечничь мех в тех метях», то есть «этим помечены мешки мечника (княжеский сборщик податей)». Какая, однако, игра звука в оригинальной надписи! Она напоминает короткие стихи – висы скандинавских скальдов.

Это еще одно доказательство того, что и скандинавы, и балтийские славяне, предки новгородцев принадлежали к единой балтийской культуре. Имя этого поэта на государевой службе стоит на той же бирке – Полтвец. Для неграмотных он, рядом со своим званием, вырезал на бирке-пломбе изображение меча. Итак, мы встречаем четыре славянских кириллических надписи еще до крещения Руси.

«Гнездовская корчага» с надписью

Да и следует ли называть эти надписи кириллическими? Не будем придираться к мелочам – вроде того, что имя Кирилл «просветитель славянства» получил на смертном одре,

всю же жизнь прожил как Константин. Интереснее иное – в житии Кирилла-Константина говорится, что, проезжая через Херсонес-Корсунь – древний город близ теперешнего Севастополя – в составе посольства к хазарам, Константин видел там Евангелие и Псалтырь, написанные «русьскими письмены». Молодой Константин сличил письмо с привычным ему, различил гласные и согласные буквы и вскоре бегло читал на новом для него языке, чему удивлялись, как божьему чуду. Почему-то на иных исследователей мысль о грамотности далеких предков наводит что-то вроде суеверного ужаса, и оттого уже не первый век делятся попытки увидеть в «русьских» письменах жития то «сурьские» – сирийские, то готские, то еще бог весть какие. Оснований в источниках для этого пересмотра – никаких. И готы, и сирийцы названы в житии своими именами, да и мало кто в Восточном Риме не знал сирийского языка, уж, во всяком случае, его знал Константин, уже побывавший послом в арабском халифате. Вот славянские языки он знал плохо, тут ему помогал лучше знавший их брат Мефодий. Более того, нам известно ни много ни мало – 26 списков жития. И во всех них черным по белому написано именно «*русьскими*». Только крайней, мягко говоря, предвзятостью исследователей я могу объяснить такое нежелание видеть не просто лежащее перед глазами, но и многократно повторенное!

«Пломба» мечника Полтвеца

Надпись глаголицей. Именно эту «славянскую письменность», судя по всему, изобрел Кирилл. Очень похоже на наши буквы?

С. Высоцкий указывает, что «русским письмом» в Средневековье звали именно то письмо, которое мы зовем «кириллицей», славянским же – глаголицу. Кирилл и Мефодий, как известно, создали *славянскую письменность*, то есть... то есть глаголицу! И действительно, созданное проповедни-

ками христианства письмо мы ожидали бы увидеть сначала в богослужбных книгах, в церковных надписях, а не на пломбе, глиняной корчаге или голомени меча (кстати, кузнецы очень неохотно принимали христианство. Не зря молитва св. Патрика призвана защитить христианина «от чар друидов и кузнецов»). И именно там – в церквях и церковных книгах – мы встречаем... глаголицу! Тот самый «черноризец Храбр» в своем труде «О письменах» как раз и сообщает, что после «черт и рез» славяне стали пользоваться греческим письмом «без устроения», приспособивая его к нуждам своего языка. От такого письма, очевидно, и произошло то, что мы называем «кириллицей», а люди Средневековья, гораздо более разумно, русским письмом. Вряд ли русы – язычники, оставившие свои имена на дереве, железе и глине, хотя бы слышали о Кирилле. Так что охотники рассуждать, скольким-де мы обязаны «солунским братьям», не иначе, пишут глаголицей. Именно она пошла от «славянской письменности», созданной Мефодием и Кириллом. Я же пишу эту книгу, читатель, буквами, восходящими к «русьским письменам» язычников Горуха, Славимира, Полтвеца и Людоты.

Нам в этой книге не раз придется столкнуться с одним малопочтенным пристрастием христианствующей нашей интеллигенции. Они постоянно стараются сделать из святых деятелей то государственных, то культурных. Заслуг перед Христом им, видимо, маловато. Отчего страдает память

предков, которых изображают бескультурными дикарями, и, что не менее важно, страдает истина. Еще раз замечу – христианство и церковь в данном случае ни при чем. Это именно христианствующая интеллигенция носится с «государственным гением» Ольги и Владимира, и с изобретенной-де Мефодием и Кириллом письменностью. Церковное житие, как мы помним, честно указывает, что не просто письмо, но даже книги, более того, богослужебные христианские книги «русским письмом» существовали уже во времена «солунских братьев». Титул «просветителей славянства» в традиции церкви всегда носил сугубо религиозный смысл. И сами братья видели свою миссию именно в этом – в несении славянам «света евангельской истины» любыми способами. Мало кто знает, что святой Мефодий принимал деятельное участие в составлении так называемого «Закона судного людям». В этом документе, помимо прочего, говорится, что село, в котором произошло языческое жертвоприношение или хотя бы была принесена присяга языческим богам, должно быть *целиком продано в рабство*. Сохранились гневные проповеди святого к властям только что крещенной им Великой Моравии с требованием неукоснительно соблюдать именно эту статью «Закона...». К чести новокрещенных моравских князей и витязей, к проповедям этим они отнеслись так, как от веку кадровый офицер-фронтвик встречает истерично-кровожадные распоряжения комиссара (политрука, шарфюрера и т.п.) из интеллигентов.

То есть, оправившись от легкой брезгливой оторопи, козырнули и... не выполнили. Иначе с Моравией произошло бы то же самое, что и с родиной «солунских братьев». Мало кто знает, что в VI – IX веках славяне заселяли Балканы почти целиком. Не только на землях теперешних Болгарии и Югославии, но даже на Пелопоннесе обитали славянские народцы милингов и езеричей, называвшие родной полуостров Мореей. Вспоминая о тех временах, Константин Багрянородный напишет в X столетии: «Ославянилась, оварварилась целая страна». Не сохранилось, однако, ни малейшего упоминания, что славяне-язычники творили грекам-христианам хоть какие-то утеснения по религиозному или национальному признаку – понятно, кроме непосредственно военных действий, но тут уж «на войне, как на войне». Ну разве что мешали истреблять соплеменников, оставшихся верными религии предков. На том же Пелопоннесе Константин упоминает город Майну с округой, где до конца IX века – до времен нашего вещего Олега! – эллины чтили олимпийцев. В конце этого столетия Балканы и Пелопоннес вернулись под власть Второго Рима. И уже сто лет спустя о славянах Морее вспоминают в прошедшем времени. Что с ними стряслось? «Закон судный людям». И святой Мефодий.

Кирилл и Мефодий. «Просветители» – и вдохновители геноцида... Фреска в Зографском монастыре на Афоне

Кажется, геноцид относится к разряду преступлений против человечества. Кажется, подобные преступления не имеют срока давности. Кажется, идеология, вдохновляющая геноцид, должна отвергаться людьми, ну хотя бы сородичами истребленных...

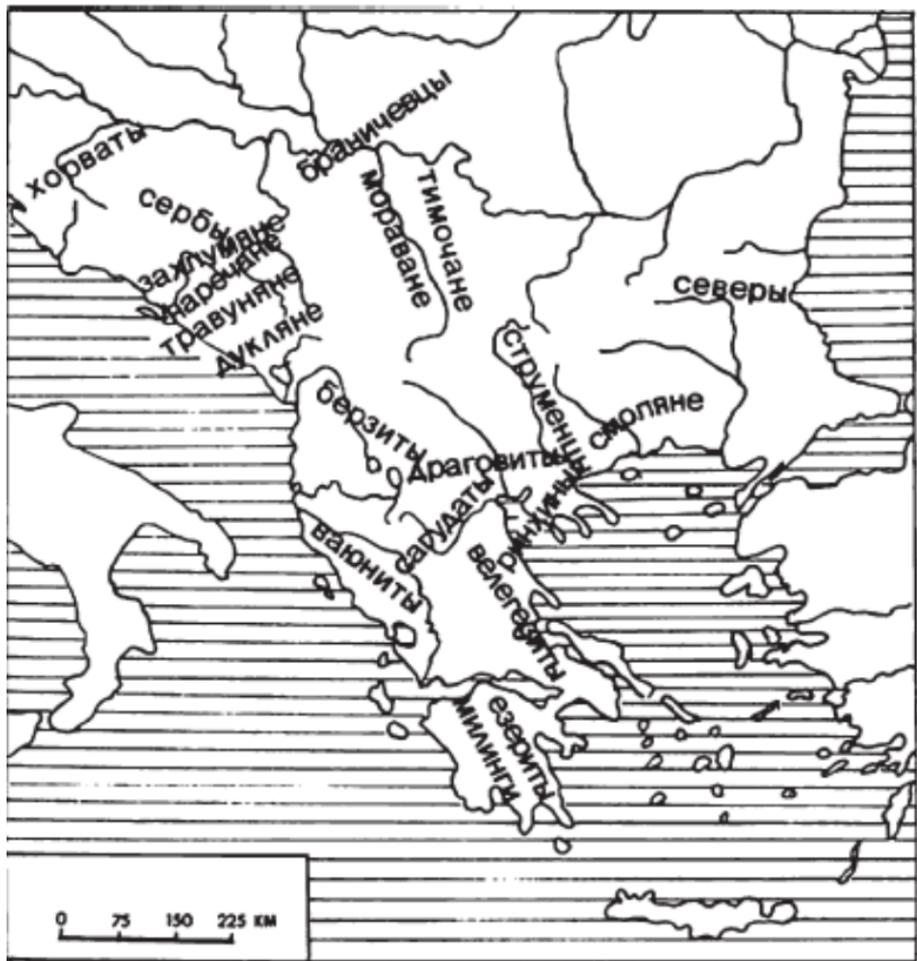
Впрочем, все это, видимо, действительно только кажется; и славянофилы, так любившие поминать «злым католикам» бодричей, лютичей и пруссов, ни словом не помянули тех, что с благословения православного святого, равноапостольного Мефодия, деревнями продавали арабам и персам. Что ж, помянем их хоть здесь, читатель.

Сагудаты. Рунхины. Драговиты. Струменцы. Смоляне. Верзичи. Баюничы. Велегестичи. И, наконец, **миллинги с езеричами.** Десять сгинувших славянских народов. Помни, читатель, – не «Mein Kampf» – «Закон судный людям». Не Гитлер и Розенберг – Кирилл и Мефодий.

Помни. Есть вещи, которые нельзя забыть – и остаться людьми.

Впрочем, мы отвлеклись. Итак, на Руси времен нашего героя была письменность, были грамотные люди. Не среди князей даже или жрецов – ремесленники, купцы, служилый княжий люд. Вовсе не обязательно христиане – все имена языческие, да и двое – кузнецы, люди, как уже говорилось,

неохотно оставлявшие древних Богов Огня и Железа. В слоях IX – X веков русских городов найдены роговые и костяные «писала» – стержни для письма. Они украшены изображениями медвежьих голов и многоликих славянских Божеств. И писали ими явно не христиане. Если мечи и кольчуги – это уровень ремесла, уровень цивилизации, то грамотность, грамотность простых людей – это уровень культуры.

Славяне на Балканах – до святого Мефодия

Я писал эту главу не затем, чтобы рассказать, пусть вкратце, о жизни, быте и культуре наших предков. Ради этого стоит написать книгу, и не одну. Некоторые уже написаны, одна

из лучших – «Мы – славяне» Марии Семеновой. Серьезных ошибок там немного, собственно, три – главы про Велеса и Темных Богов; рассуждения о бороде и волосах – мы коснемся этой темы; и кое-что в главе, посвященной мечу. Как ни жаль огорчать поклонников русского фэнтези, не сохранилось сведений, чтобы славяне называли свои мечи особыми, «личными» именами, чтобы вообще одушевляли их так, как норманны и западные рыцари. Не было русских Эскалибуров и Дюрендалей. Меч чтили, им дорожили как символом свободы, как священной, ценной, дорогой, воплощающей чуть ли не душу владельца-воина, но все-таки – просто вещь. Своей души, своей личности в глазах русов и славян меч не имел. В остальном же замечательная книга Семеновой безукоризненна, и я охотно рекомендую ее читателю.

Также не для того писалась эта глава, чтобы в очередной раз напомнить, что и три века спустя в ином западном романе можно было прочесть: «Жил благородный рыцарь, и был он так образован, что даже умел читать». Чваниться перед другими народами – занятие, конечно, недостойное. Есть только одно занятие гнуснее – чваниться перед собственными предками. К сожалению, об опасности этого, худшего чванства у нас вспоминать не принято. А ведь оно не только хуже – оно распространеннее. Человек, доказывающий, что русские основали Трою и открыли Америку, – безобидный смешной чудак. Ему не доверят писать учебники. Их доверяют тем, кто упорно втоптывает в грязь свой народ,

своих предков, чтобы хоть на таком фоне себя, убогих, почувствовать кем-то!

Если читатель сумеет освободиться от этого чванства, от навязываемой всей нашей жизнью привычки смотреть на людей далекого прошлого как на слабоумных дикарей, – эта глава написана не зря. Отличия Руси от других стран были не признаками какой-то «отсталости», они были именно *отличиями*. Впрочем, и отличий этих много меньше, чем порой кажется отягощенным дипломами невеждам. Конечно, очень легко посмеяться дикости предков, читая в летописи, как в XIII веке князь Владимир Василькович «взем соломы в руку от постели своея». Вот, мол, – даже князья спали на соломе! Легко, особенно если не знать, что в том же веке в Британии лорд Отерарсее получил поместье «за службу по изысканию подстилки для королевского ложа: летом – сена и травы, зимой – соломы».

Что до другого – ну да, держали говорящих сорок для потехи вместо попугаев – в небедных домах. Вместо кошек – зверьков тогда редких и стоивших дороже лошади – часто держали домашних ласок или ужей. Простонародье в натопленных избах ходило нагишом – вы не пробовали отстирать сажу с льняной белой ткани без мыла и порошка в холодной воде? А обереги, которыми были расшиты славянские одежки, в доме, у печки, под защитой предков и домашних божков, были уже не нужны. Не от дедушки же домового защищаться!

Ну и что? А в Англии иные бойцы до XI века выходили на бой с каменными топорами. А в Германии XIII века могли снять с человека скальп. Не бандиты и не сатанисты, а судебные исполнители. Среди бела дня, при всем честном народе, на площади торгового города, перед ратушей и христианским собором. В полном соответствии с буквой закона – такая казнь там полагалась вторично попавшемуся на воровстве.

Не могу сказать, что осуждаю немцев, – сам, будучи оборван, испытывал схожие чувства и желания. Но, положив руку на сердце, мне как-то симпатичнее наши, родные особенности, как-то ближе не стыдящиеся своих тел перед родичами славяне, чем законное скальпирование солидными бюргерами какого-нибудь бродяжки.

В основном же глава эта писалась, чтоб дать – очерки, очертания русской державности, цивилизации и культуры времен моего героя. Надеюсь, мне это удалось. Итак, не «племена», а Держава. Не хутора и огороженные тыном деревни – Страна Городов, с искусными ремесленниками. Восток и Запад признавали ее равными себе во всем – от державного устройства до ремесла, исключая разве только веру. Среди ее жителей, даже не самых знатных, богатых и образованных, было немало грамотных.

Впрочем, надо думать, глава эта породила у читателей немало вопросов. Почему разделяли «русскую» и «славянскую» письменность? Откуда за сто с лишним лет до пре-

словутого «крещения Руси» взялись Евангелие и Псалтырь «русьскими письмены»? В двух словах на эти вопросы не ответишь. Что ж, постараюсь ответить в двух главах. Тем паче что это будет еще и рассказ о предках нашего героя, о рождении Державы. Рассказ о том, откуда есть пошла Русская земля...

На море-океане, на острове Руяне...

*Будем думу думать вместе с облаками,
Доверяясь чутко четырем ветрам.
Расплескалось небо зыбкими волнами,
Проквезило Солнце Святовитов храм.
То встает из пепла властная Аркона,
Чтоб напомнить миру об иных летах,
Где превьшие Правды не было закона,
Где сердцам славянским был неведом страх.
Развернись, виденье, лейся, жар небесный,
Не смолкайте, ветры, чтобы сердце вдруг
Осветилось чистой и высокой песней,
Чтобы каждый русич вспомнил, чей он внук.*

Светобор

1. В тени Магометова гроба

*И встали все под стягом,
И мыслят: «Как нам быть?»
Давай пошлем к варягам,
Пускай придут княжить.
Ведь немцы тороваты,
Им ведом мрак и свет,
Земля ж у нас богата,
Порядка только нет».*

«История государства Российского от Гостомысла до Тимашева»

Откуда есть пошла Русская земля... этот вопрос еще печерский монах-летописец поставил в подзаголовок своему великому труду – Повести временных лет. Так откуда же, кто создал эту Державу «от финских хладных скал до пламенной Тавриды»? Летопись говорит так: три северных народа – словене ильменские, кривичи и меря – прогнали собиравших с них дань варягов, но захлебнулись в усобицах. «Восста род на род, и не бысть в них правды». Устав от резни, три народа послали за море, к варягам-руси, со словами: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Придите княжить и володеть нами по праву». И откликнулись три брата – Рюрик, Синеус, Трувор. «И от тех варягов прозвалась Русская земля».

А кто такие эти варяги-русь? На вопрос этот сейчас во многих книжках, и популярных, и сугубо научных, отвечают с «легкостью необыкновенной». Имя «русь», оказывается, «не было племенным. Оно обозначало «гребцов» – дружину, участвующую в походе на гребных, весельных судах. Это слово звучало по-шведски как «ротс», а эстонцы – потомки летописной чуди – до сих пор называют Швецию Ротси. Чудь первая встретила с этими «гребцами» на Варяжском море и передала их имя славянам. Те и назвали ва-

рягов, приходящих в Восточную Европу на гребных судах, русью». Это пишет В. Петрухин в книжке «Славяне», выпущенной знакомым нам издательством «Росмэн», в одной серии с «Викингами». Помните – там еще славяне оказались «кочевым племенем», заодно с аварами и печенегами «пришедшим из степей». Знаменательное соседство...

И все вроде бы складно... да только вот незадача – сами-то «гребцы» себя как называли? Эстонским прозвищем? А ведь напрямую из «ротс» слово «русь» не выведешь. Все завоеватели давали завоеванным землям именно *свое* имя. Скажем, шотландцы англов сассенахами зовут. Но англы, завоевав Британию, назвали ее не Сассенахией, а именно Англией. То же с Францией, Нормандией, Данло... вот других примеров – не единого. И еще – они, «гребцы» эти самые, Петрухина, видать, не читывали. Свое имя именно за племенное считали, а не за род войск или профессию. В договорах с Византией X века: «Мы от **рода** русского». Послы, что к Людовику Благочестивому за сто лет до того ездили, говорили, что «они, то есть их **народ**, зовутся Рос». С Рюотси этим эстонским тоже не все ясно. Эстонцы этим словом то шведов, то ливов зовут, карелы – финнов. И притом – мало ли как за тысячу с лишним лет значения слов меняются? В XVIII веке, скажем, пруссаки – немцы. А за каких-то полтыщи лет до того пруссами звали племя в Прибалтике, которое не то что немцами не было – ненавидело немцев лютой ненавистью, воевало с ними насмерть. За такой срок –

и как смысл слова изменился, а тут вдвое больше прошло. Не убеждает.

Тем более что и само-то словечко, «ротс» это самое... я про это нарочно напоследок припас. Неудобно. Стыдно просто. Историк все-таки. Коллега. В общем, не звучало оно пошведски. Вообще никак не звучало. Не было такого слова. Ни в каких источниках оно не отразилось. Об этом еще Генрик Ловьямянский в книге «Норманны и Русь» писал. А русский перевод той книги как раз Петрухин комментировал. Хотелось бы верить, что не знал, но...

Неудобно-то как...

Пуще того. Другой историк, А. Назаренко, недавно в актах немецких IX века слово Ruzzi нашел, в смысле, русские. Про купцов. А слово это, по точной науке лингвистике, из «ротс» образоваться не могло. Только из «русь». То есть уже тогда купцы-гребцы эти себя не шведским, а славянским словом называли, в полном соответствии с таможенником арабским, ибн Хордадбегом. Помните, тот, что меха да мечи русские в 40-е годы того столетия досматривал? Так он русских купцов прямо «одним из племен славян» именует. И Петрухин об этом тоже знает. Цитирует в другой книжке даже. Ох... вы простите, уважаемый читатель, что я сейчас так путано... простите, вам не доводилось у коллеги, знакомого за карточным столом прилюдно из рукава пачку козырных тузов вытянуть? И как ощущения? Кто бы в такой ситуации остался спокоен, пусть первый кинет в меня камень.

Можно, конечно, сказать, что он не один такой. Целая школа, неонорманнистами себя называют. Так ведь это не легче, это хуже, когда компанией – и с тузами. Это даже статья другая!

И название ша... то есть школы не очень понятное. «Нео», как известно, означает «новый». Так вот все, что мы у Петрухина и многих других прочли, слово в слово можно было прочесть не у «новых», а у самых что ни на есть старых норманнистов – Миллера, Шлецера, Тунманна – в XVIII еще веке. И прочие доводы те же, один к одному. Варяги – это де общее название скандинавов, значит, и русь – норманны. Имена русов – скандинавские, «русские» названия порогов у Константина Багрянородного – тоже. Да и послов русских Людовик Благочестивый принял за «свеонов» (*eos gentis egge Sveonorum*).

Не будем говорить про клинические случаи, когда из этой теории пытались вывести неполноценность славян перед норманно-тевтонскими «сверхчеловеками» (помните юного испанца из первой главы?). По-моему, теория эта обидна как раз для скандинавов. Воля ваша, но нет ничего «сверхчеловеческого» в том, чтобы за два века от призвания варягов до крещения напрочь раствориться в этих самых «неполноценных» холопах и данниках, позабыв буквально все, вплоть до родной речи и Богов. Между прочим, члены королевской семьи франков, на которых любят кивать неонорманнисты, до X века говорили между собой и заключали дипломати-

ческие соглашения на германском языке, а романским наречием подданных почти не владели. Это через *полтысячи* лет после завоевания франками Римской Галлии! Для сравнения представьте Дмитрия Донского, пишущего к Михаилу Тверскому или Олегу Рязанскому письмо на шведском языке, норманнскими рунами. А ведь франки по сравнению с завоеванными были сущими дикарями, уж, казалось бы, кому, как не им, у римлян учиться... да, первое негерманское имя появилось у франкских государей еще век спустя, в *третьей* династии, и не было оно ни римским, ни галльским. А у нас первое бесспорно славянское имя возникает в *третьем* поколении *первой* династии. Это имя – имя нашего героя. Святослав. Да неужто норманны были беспамятней франков? Великолепная самобытная культура, прекрасный эпос, религия с развитым культом, пантеоном и мифологией – и от всего этого за каких-то неполных два века – ни следа?! Нет, эта теория – сплошной поклеп на скандинавскую гордость. Это их, а не славян она изображает неполноценными.

Но еще раз – оставим в покое клинику. Почтенные немцы, создавшие в заснеженном Санкт-Петербурге теорию, как просвещенные норманны цивилизовали диких славянских мужиков, были истинными учеными. Для своего, XVIII, века.

А теперь представьте: вы берете с полки книгу по географии и читаете там, скажем, что южнее Австралии суши нет, а Амударья впадает в Каспийское море. Или книжку по хи-

мии, где современный автор повествует про флогистон Шталаля. Или геолог рассуждает о полый Земле по Цеприцу. Или астроном пишет, что метеоритов не может быть «оттого, что на небе нет камней». Правда, странно? Поневоле заглянешь в выходные данные – уж не первого ли апреля выпущен том? Научные теории имеют свойство меняться. И в этом нет ничего странного. Со временем появляются новые данные, новые факты, и теория, основанная на устаревшей информации, вынуждена уйти. Это жизнь науки. Порой, при сохранении данных, приходится пересматривать выводы. На небе действительно нет камней, но метеориты все-таки падают. Это факт, наука не может не признавать факта и оставаться наукой.

А норманнская теория неизменна. В книгах Петрухина и его поде... э-э-э, единомышленников мы, слово в слово, встречаем те же доводы и доказательства, той же почти трехсотлетней теории. Некоторые подновления погоды не делают. Так, Тунманн выводил эстонское «роотси» от Рослагена (побережье шведского Упланда), но выяснилось, что название это возникло в XIV веке. Тогда и произошла некрасивая история со словечком «ротс». Его попросту выдумали, чтоб спасти теорию, как спасают проигрышную партию пятым тузом из рукава. В остальном же – неподвижность. Так что же – неужели норманнская теория – не наука?

Но, быть может, ученые немцы из Петербурга – гении? Может, они прозрели почти на три века вперед все откры-

тия, находки, источники и создали сверхстойчивую теорию? Может, они уже тогда знали все, что нам известно о той эпохе, и делали выводы на основе этого мистического знания?

Отчего бы и нет... я тоже человек, читатель, мне тоже хочется верить в сказку, в чудо. Мне приятно было бы думать, что в столице моей страны два с лишним столетия назад жили три величайших гения моей, исторической науки, совершивших неповторимое. И пусть они немцы, что ж с того? Разве мы меньше ценим Беллинсгаузена или Даля из-за их немецких корней?

Было бы...

Увы, читатель, чуда не произошло. Полнейшая незыблемость доводов и выводов норманнизма еще заметнее на фоне полнейшей же перемены наших знаний о том периоде. Шлецер считал славян совершеннейшими дикарями, живущими в лесах «жизнью зверей и птиц». К смущению своего почитателя Карамзина, почтенный немец даже утверждал, что славяне платили варягам дань белками оттого, что «не имели орудий» для охоты на медведей.

Сейчас мы можем уверенно говорить, что славяне находились на том же уровне материальной культуры, что и скандинавы. Кое в чем незначительно опережали, кое в чем незначительно уступали. Но воинов в «железных нагрудниках» и шлемах с забралами, сходящих с многомачтовых кораблей к испуганным лесовикам в звериных шкурах, что мерещи-

лось современникам Шлецера, конечно, не было.

Рисунок XIX века. Вот так это тогда представляли – «норманнская» русь в железных доспехах (скопированных с вооружения русских же воинов эпохи... Московской Руси), и лесовики-славяне – в медвежьих шкурах, с дрекольем и дубинками

Тунманн полагал, что славяне пришли к Ильменю с юга, от Дуная, через заселенные финской «чудью» земли. Логично было предположить, что и название для приходящих-де с севера скандинавских «находников» они позаимствуют у туземцев.

Сейчас выяснено, что Приильменье заселили (притом – примерно одновременно с финскими племенами) выходцы

из вендского Поморья. Там их предки встречались с датскими и шведскими соседями за тысячи верст от ближайшего финна. Естественно, им не было никакого смысла называть их финским или эстонским словом, как украинский крестьянин не стал бы называть татарина-крымчака удмуртским «бигер» или марийским «суас».

Считалось, что в древнерусском языке очень много норманнских заимствований. Князь, смерд, гридень, вира, вервь – все эти слова считали норманнскими. Понятное дело, не могло же двухвековое господство иноязычного племени не оставить следов в языке. Датчане, лет пятьдесят хозяйничавшие на *части* английской земли, и то обогатили английский язык *10% корней*. Один такой корень мы сами нынче нередко употребляем, называя благополучный исход «хеппи-эндом», или распевая на именинах приятеля «Хеппи бесдэй ту ю!», или подбирая на Новый год открытку с надписью «Happy New Year!». Шутка Судьбы – слово для счастья принесли в английский язык кровожадные завоеватели, датские викинги.

В XIX веке И.И. Срезневский произвел ревизию «заимствований». Выяснилось, что часть из них встречается в языках иных славянских народов, причем в краях, куда живой скандинав отроду не забредал, другие – превосходно объясняются из славянских корней. Например, русское «гридь» – дружина – нашло подобие в хорутанском «грида» – ватага, гурьба. Производное от него «гридень, гридин» – дружин-

ник, воин – в чешском «грдина» – герой, богатырь. Достоверных заимствований Срезневский насчитал... *10 слов*. Не 10% корней – 10 слов. И то иные – «тиун», «щеляг» – могли быть заимствованы через посредство западных славян. У тех же поляков были «тивун» и «шелонг», с теми же значениями старосты-управителя и серебряной монеты.

И так далее, и так далее, и так далее... рухнули или рушатся едва ли не все современные норманнской теории научные представления о прошлом нашего народа...

Была в Средние века такая легенда: в городе Мекке, в тайном покое гроб пророка Магомета висит. Без цепей, без опор, силой неведомой держится.

В городе Мекке не был, не знаю. А в науке нашей висит такой, без соседей, без опор, тень непроглядную наводит на начало величайшего в мировой истории государства, на происхождение нашего народа. Норманнская теория звать.

Силы же, ее держащие, вполне ведомы. Не место и не время говорить обо всех их. Но одну читатель уже узнал. Это та же сила, что мешает игроку спокойно сказать: «Я проиграл, господа», и выложить на стол проигранную ставку, заставляя вместо того подтирать на картах очки и тянуться к манжете за запасным козырем. Остальные тоже имеют не больше отношения к науке. Возьму на себя смелость сказать – Шлецер, настоящий ученый, по-немецки острый и честный ум, в наше время не был бы «неонорманистом».

Что наше время – уже в XIX столетии честным ученым в

Магометовом гробу становилось душно и неуютно. Не зря же М.П. Погодин, почитавшийся за столпа норманнизма, цитировал Гельмольда: «Маркоманнами называется обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяют марку. В славянской земле много марок, из которых не последняя наша Вагирская провинция, имеющая мужей сильных и опытных в битвах, как из датчан, так и из славян», – и восклицал: *«Чуть ли не в этом месте Гельмольда и чутьли не в этом углу Варяжского моря заключается ключ к тайне варягов и руси».*

Что значит – истинный ученый! Ведь он почти угадал... но – увы, пойти дальше не успел или не посмел. В его время норманнизм уже неотвратно превращался из научной теории в Магометов гроб, неохотно отпускаявший свои жертвы. Новому же поколению постояльцев, в отличие от великана Погодина, в гробу уютно и просторно. Они ревниво защищают его от посягательств извне. Я бы сказал, что они прижились... но разве в гробах – живут?

Не будем, читатель, уподобляться некромантам и искать в гробу ответ на наши вопросы. Как говорил Шергин – «живой живое и думает».

Русь – варяги, говорите? Хорошо, пусть.

А кто такие варяги?

2. Варяги – незамеченная загадка

*Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская сила подъята,
Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
За синее море, которое их,
Щумя, принесло от заката.*

А.К. Толстой, «Змей Тугарин»

Читатель, любящий историю! Боюсь, вам при чтении этой главы придется позабыть многое из прочтенного. Оттого, что историки – не говоря уж о писателях – обращаются со словом «варяги» с великолепной безответственностью. Походя бросают фразы вроде «варяжский конунг» или говорят о «варяжском витязе Харальде Суровом» или «варяжских наемниках Рагнаре и Эймунде», при том, что ни в летописях, ни в сагах вы не найдете словосочетания «варяжский конунг». Саги о Харальде, Эймунде и Рагнаре их нигде не называют ни варягами, ни верингами... зато у читателя складывается устойчивая иллюзия, что слово «варяг» – просто синоним слову «норманн». Такое, мол, как пишут в словарях, «древнерусское название скандинавов».

Вот только не было в обычае в Средние века выдумывать какое-то особое название для народов одного корня или одного края. Когда возникала нужда назвать их одним словом,

брали имя одного из них, с которым лучше были знакомы. На Руси не так давно, века два тому, говорили не «европеец», а «немец». Не «азиат», а «татарин». Для американца и по сей день все выходцы из России – «русские», «Russians», будь то чечен, мордвин или еврей. Немцы для французов – «алема-ны», по имени одного из племен германских. Для финнов – «саксы», по тому же принципу. Да и русское «немец» не от немоты пошло, как часто пишут, а от германского племени неметов. Можно не одну страницу такими примерами испи- сать, да вы, читатель, и сами наверняка что-нибудь вспо- мните, если постараетесь. Вот других примеров – опять-таки, днем с огнем...

Так где же оно, скандинавское племя «варяги»? Нету. И не было. Но «неонорманнисты» нам объясняют: мол, сло- во «варяг» от скандинавского «веринг» происходит. Это же словцо означает не то «охранник», не то «присягнувший во- ждю дружинник».

Не пугайтесь, читатель. На сей раз не все так плохо. Слово «веринг», в отличие от «ротс», в самом деле есть. Вот только означает оно совсем другое. Не запасной туз – очко на ко- зырной девятке лишнее, притертое.

Можно было бы подивиться на славян непонятливых: два века скандинавы ими правили, дань собирали, на греков да хазар в походы водили, а они все не могли запомнить, как же их, господ, по-настоящему кличут. Слово «рус», как мы помним, тоже ведь «не племенное». Два века хозяев своих

«гребцами» да «дружинниками» величали!

Только не надо дивиться. *Никто, никогда, нигде* слово «веринг» или «варяг» за обозначение профессии не считал. Очко-то на карте ноготком подцепите, вишь, плохо держится? Ага, и еще одно... и не девятка это, самая обычная шестерка. В летописях слово «варяги» везде в ряд с «литва», «немцы» да «свеи» стоит. И «русь», кстати, тоже. Не с «плотник», скажем, или «лучник» – с названиями народов. В саге о Вига-Стире норманнской: «Ибо такой был обычай у норманнов и верингов». Представляете фразу: «ибо такой был обычай у столяров и белорусов»? Даже араб Бируни в чужедальнем Хорезме и тот знает, что «варанк – это народ». Итак, если верить источникам – а не фантазиям норманистов, – варяги-веринги – это народ. Иначе как объяснить, что ни один «охранник» или «присягнувший вождю дружинник» не звался «верингом» в Англии, Ирландии, Франции – нигде, где ходили норманнские дружины, и даже в самой Скандинавии? Рунные камни в Швеции – помните, в той самой «Роотси» – хранят память сотен викингов-шведов. Немало среди них «умерших на Востоке, в Гардах» (то есть на Руси), «в Хольмгарде», «в Микльгарде», «в стране греков». Комментаторы услужливо торопят: «они, мол, служили в варяжских дружинах». Зря. Рунные камни, *сотни* памятников ушедшим за море без возврата, не называют их верингами. Есть там крестьяне-бонды и батраки-*bryti*, есть кормщики-*skipari* и корабельщики-*styrimadr*, есть вожди-хевдин-

ги и королевские наместники – landmenn, есть их дружинники-hemthaegi, есть просто купцы и члены торговых товариществ – felagi. Есть, конечно, и викинги. Но ни в Швеции, ни в Дании, ни в Готланде нет памятника хоть одному верингу. Хотя в одной надписи все же упоминается Веринг – но как личное имя. В конце X века в Киеве мелькает похожее личное имя – Варяжко. Из этого делают правомерный вывод, что варягов в Киеве того времени было немного – ну, как, скажем, прозвище «татарин» звучало бы странно в Казани, но вполне естественно, скажем, в русской деревне. Очевидно, и в Швеции эпохи викингов варягов было не больше, чем в Киеве, если уж Веринг стало личным именем. Да и саги знают верингов лишь «на Востоке» – на Руси или в Константинополе. Герой одной саги «пришел на Русь и стал там наемником. Он был там *с верингами*». Не «был верингом», а – «был с верингами»!

Итак, веринги-варяги – племя, «народ». Скандинавское ли?

Мы уже видели, что в саге норманнов и верингов разделяют. Разделяет их и летопись, перечисляя северные народы: «**варяги**, шведы, **норманны**, готы, русь». Впрочем, такое «разделение» недорогого стоит. Тацит, Прокопий Кесарийский, Иордан разделяют готов и германцев. Летопись, Русская Правда, Константин Багрянородный и арабы разделяют русь и славян. Последние, правда, как-то неуверенно – то русы у них «один из видов славян», то Славия – «один из видов

Руси». Один и тот же погребальный обряд у ибн Фадлана – русский, а у ибн Русте – славянский... но мы не о том.

Что говорят источники о том, кто такие варяги и где они жили? Слово летописи. Она сообщает, что по Варяжскому морю «сидят» ляхи, пруссы и чудь. «По тому же морю сидят варяги», причем к западу от перечисленных народов земли варягов простираются до земли англов. Не нынешней Англии, конечно, в летописи ее зовут Вретанией, а до коренных англских земель на материке, нынешней датской провинции Ангельн.

Первый звонок! Тот самый, юго-западный, «угол Варяжского моря», о котором писал Погодин. Близко «ключ». А кто, кстати, там «сидел»? К ляхам летопись относит и поморян, и лютичей. Между ними и англами остается место только для сильного княжества ободритов. В летописи «отчего-то» не упомянутого. Кстати, «Вагирская марка», которую, со ссылкой на Гельмольда, поминает Погодин, – как раз ободритские земли.

К востоку от тех же трех племен тоже живут варяги, «до предела Симова», то есть волжских булгар. Но к востоку от эстонцев и до Волжской Булгарии живут новгородцы, словене, никак не скандинавы! А летописец невозмутим. Ему и в голову не приходило, что потомки перепутают дедов-варягов со скандинавами. Он пишет: «Новгородцы же, люди новгородские – от роду варяжского, ибо прежде были словенами». Если кто-то не понял, Новгородская первая летопись,

чей автор наверняка лучше знал и варягов, и новгородцев, поясняет: «новгородские люди *до нынешнего дня* от рода варяжского», и для совсем интеллигентных добавляет: «варяги мужи словене». Вот так. Не больше и не меньше. Где вы, новгородцы Олавы, Харальды, Эрики? Где ваши берестяные грамоты, писанные рунами на северном языке?

Но следы чужеземного влияния, даже не влияния – происхождения – в новгородском наречье есть. Их, еще на примере живых севернорусских диалектов, выявили русские лингвисты А.А. Шахматов, Д.К. Зеленин, Н.М. Петровский. Знаменитое новгородское «цоканье» («целовеце», «цудно» и пр.) находило подобие не у поляков даже, а в нижнелужицком языке, наследнике полабского наречья, на котором говорили лужичане и... ободриты. Еще яснее сохранились черты языка прибалтийских славян в глухих углах Русского Севера и Сибири, колонизированных новгородцами еще до завоевания вольного города Москвой. Там же, кстати, сохранились и былины. А.А. Зализняк, исследовав берестяные грамоты, обнаружил, что в древности это сходство было не слабее, а сильнее. В трудах Константина Багрянородного можно увидеть, что в ту пору на Руси было в ходу два славянских наречия. Южное, называвшее порог «прагом» с мягким, «украинским» «г», а город – «градом» («Вусеград» – Вышгород). И северное, называвшее, на манер прибалтийских славян, город – «гардом» («Немогарда» вместо «Новгород») и сохранившее носовые гласные. Проще говоря, отца нашего героя

звали при жизни не Игорем, а Ингорем, а его самого – Свентославом. Последнее ввело во грех одного особенно буйного неонорманниста, и он, на радостях изобретя небывалое «скандинавское» имя «Сфендислейф», кинулся доказывать, что герой наш был «скандинавом» и «конунгом». Бедняга даже не заглянул в именной указатель труда Константина Багрянородного и не увидел там, рядом со «Свентославом», имя моравского князя «Свентополка». Или морав – не морав, а швед? Очередной «конунг»?

Просто в X веке имена варягов-князей на Руси «почему-то» произносили на прибалтийско-славянский манер. Я же здесь оставляю привычное написание – чтобы вас, читатель, не запутывать свыше меры. Просто имейте в виду: не Игорь – Ингорь. Не Святослав – Свентослав.

Антропологи, изучив средневековые могильники новгородцев, установили, что ближайшее подобие черепам новгородцев – черепа из могильников славянского Мекленбурга, земли... ободритов.

Наконец, археология. Первые следы ильменских словен («культуры погребальных сопок») в VI – VII веках уже имеют явные черты западнославянского происхождения. Но в IX – X веках появляется новая волна пришельцев из славянской Прибалтики. В Новгороде первые находки славянской керамики относятся к фельдбергской культуре, существовавшей на землях... ну, читатель, вы уже догадались. Да, ободритов. И так далее, вплоть до конструкции крепостного вала нов-

городского Детинца 1116 года, которая «имеет точные аналогии только у балтийских славян и совершенно неизвестна на Днепре». Следы балтийских славян в виде «керамических комплексов» обнаружены также в Пскове, Старой Ладоге, городке на Ловати, и пр. Археологи делают вывод, что в указанную эпоху в Восточной Европе появилась вторая волна пришельцев со славянского Поморья и Полабья.

Интересно, как называли этих пришельцев? И почему это о них в летописях ничего не сказано?

Или сказано? Пришедшие из-за моря в IX – X веках, поселившиеся в Ладоге, Новгороде, Пскове и явно там господствовавшие – иначе крепость аристократического центра Новгорода, Детинец, не была бы построена по их способу. Имеющие явное отношение к князьям. Кто бы это мог быть, читатель? Не узнаете?

Узнали...

Но не будем спешить.

Летопись говорит, что в землях верхнего Поволжья и у Белого озера варяги основали города – Ростов, Муром, Белоозеро. Туземцы, «первые насельники» – неславянские народцы меря и весь. «Находники», построившие и заселившие города, – варяги-русь. Иного населения там летопись не знает. Археология знает в этих краях тоже две группы населения – финских аборигенов и пришельцев с явными чертами прибалтийской культуры эпохи викингов, которые наши археологи поспешно окрестили «скандинавскими ком-

плексами». Тогда отчего Ростов, Муром и Белоозеро, а не какой-нибудь «Муромвик» или «Витзеборг»? Отчего в Ростове главной языческой святыней был идол Велеса, не финского и не норманнского Божества? И отчего к XI – XII векам оба эти города предстают стопроцентно славянскими? Еще Иловайский ехидно замечал: «выходит, скандинавы ославили для нас мерю». Можно задать и еще один вопрос: отчего в могильниках со «скандинавскими комплексами» после перехода в X веке от сожжения тел к погребению не найдено *ни одного* скандинавского черепа? «Комплексы» есть, а скандинавов нет.

А может, пора археологам избавляться от скандинавской закомплексованности? Перестать именовать каждый памятник балтийской культуры эпохи викингов скандинавским? Но мы не об археологах, мы о варягах.

В середине XI века основатель Киево-Печерской лавры Феодосий беседует с князем Изяславом, сыном Ярослава Мудрого, о католиках-«латинянах». Феодосий «латинян» не любит люто и князя против них настраивает. И сообщает для этого об их, «латинян», злодействах в Варяжской земле. Они-де там разбой творят, людей убивают, в веру свою крестят насильно и «верных» – то есть православных, христиан восточного обряда – всячески злобно притесняют.

В Швеции несколькими десятилетиями после этой беседы христианские проповедники почтительно просили короля-конунга, уже крещеного, чтоб тот закрыл, наконец,

огромный языческий храм у самой столицы или хоть жертвоприношения кровавые в нем прекратил. Король священникам ответил, что, если он посягнет на древнюю святыню своего народа, не быть ему королем, а им – не быть живыми. Не свирепыми крестоносцами пришли в Швецию католики, а смиренными миссионерами. Да и православных в тогдашней Швеции не водилось, во всяком случае, тех, о ком стоило бы писать.

Ученые это давно заметили и попытались доказать, что варяги здесь – не варяги, а европейцы вообще. Только других примеров, чтоб варягами всех жителей Западной Европы называли, не существует. Да и какое дело было князю Изяславу до далекой Западной Европы? Вот варяги, как таковые, его заинтересовать могли. Он ведь сам был варяжского рода и помнил об этом отлично – как в Европе испанские идальго через тысячу лет после падения Вестготского королевства готской кровью чванились (даже само слово «идальго» переводили как «хийо дель годо» – сын готов).

А вот в землях прибалтийских славян, по сообщению Адама Бременского, православных – «греков», по его выражению, – жило немало. О том, какими способами их, славян прибалтийских, в католичество обращали, мы расскажем подробно в других главах. Пока могу сказать одно – так обращали, что сами эти народы исчезли с лица Земли. Именно теми методами, о которых Феодосий князю толковал.

В следующем столетии в летописи мимоходом упоминают

некую женщину, родом «от князей сербских, с Кашуб, с *поморья варяжского*». Не Сконе или Рослаген – Кашубы называются варяжским поморьем! В новгородской «Кормчей книге» в конце того же столетия с варягов клятву брать рекомендуется не крестным целованием, а «оже будет варяг... крещения не имея, а будет има роте (языческая присяга. – *Л.П.*) по своей вере». Выходит, в конце XII века большинство варягов еще некрещены. А шведские крестоносцы в это время уже крестовыми походами на финских язычников ходят. Священники радостные над руинами столичного капища в Упсале кадилами машут. Норвежец Харальд Гиллекрист вокруг всей Европы в Палестину плывет, Гроб Господень у сарацин отвоевывать. Правда, по норманнской привычке, грабит по пути встречного и поперечного, не глядя на веру... но это так, к слову. В 1201 году в Новгородской летописи говорится, что пришло из Варяг посольство «Горой», то есть сушей.

Это чуть ли не последнее упоминание о варягах. После XII века этот народ почти исчезает из русских источников. С чего бы? Кончилась эпоха викингов? Так она сто лет как кончилась, а говорить о том, что словене-новгородцы на четвертом веке плотных контактов начали-де наконец выделять из безликих «варягов» свеев, доней-датчан и т.д., просто неприлично. Скандинавские народы отлично различал друг от друга – и от варягов – и киевский летописец XI века. Но именно в этом столетии очередное крестоносное нашествие

добило последние оплоты государственности и религии прибалтийских славян, и об этом мы тоже поговорим.

Впрочем, в летописях изредка мелькают варяги в Литве и даже «дунайские варяги» в некоторых летописях. Никаких дунайских шведов, конечно, никогда не было. Зато на Дунае, по соседству с сербами и болгарами, согласно франкским грамотам IX века, жил славянский народ, называвшийся точно так же, как жители юго-западного «угла» Балтийского моря – ободриты. Жители же некоторых новгородских деревень называли себя варягами до времен Екатерины Великой.

Не получается скандинавского происхождения летописных варягов. Может, с верингами саг – лучше? Веринги в сагах прежде всего связываются с Византийской армией. Вот что говорит «Сага о людях из Лососьей долины» о Болле Боллесоне: «Он провел там короткое время, как вступил в общество верингов. **У нас нет предания, чтобы кто-нибудь из норманнов служил у Константинопольского императора прежде, чем Болле, сын Болле**». Дело было в начале XI века. Сказано, согласитесь, очень ясно. Веринги уже есть, но Болле – первый норманн среди них. Тот самый Харальд Суровый, впоследствии – зять Ярослава Мудрого, которого наши щелкоперы походя записывают в «варяги», прославляется скальдом: «Ты так повернул дело, что менее стало верингов». По правилам северной поэзии это значит «истребил почти всех верингов». Видимо, после учи-

ненной Харальдом резни дворцовую гвардию Константинополя называли «варангами» сугубо по традиции. Что-то вроде «швейцарцев» Ватикана или британской «Шотландской гвардии». Скальд славит Харальда за истребление верингов – ясно, что сам Харальд не веринг!

Есть еще одно упоминание о верингах, правда, вне традиции саг. В титулатуре маркграфов Саксонских упоминается некая «марка Верингов», входившая в их владения в конце X века и начале следующего. Никакими шведами они, конечно, не владели. Их удел лежал все в том же, указанном Погодиным, «углу», а в указанное время в него входили земли...

Ободритов. В ободритский союз входило и на первых порах доминировало в нем племя вагров («Вагирская марка»), они же варги, они же варны, они же варины, они же...

Сколько еще нужно доказательств, чтоб признать очевидное?

Вот еще, напоследок – два свидетельства арабов, лиц, в варяжском вопросе предельно незаинтересованных. Масуди упоминает среди славянских народов Средней Европы «альварангабин». Димешки, говоря о «варанк» – варягах, называет их не просто славянами, а «саклаб ас-сакалиба» – наиславянейшие славяне, самые расславянистые славяне, славяне из славян. Словно для нас писал, для слепцов, упорно не узнающих собственных предков.

Я прошу прощения, читатель, за столь длинную главу. Но, согласитесь, происхождение героя многое значит. Это нема-

ловажно, кем он был – родственником, пусть дальним, приезжим или чужаком-оккупантом. А во-вторых, очень уж хотелось показать, на каком ошеломительно наглом пренебрежении к ясным данным огромного количества источников держится претендующий на звание теории норманизм. И насколько небезопасно слепо доверять мнению иных «ученых».

Итак, Святослав, точнее, конечно, Свентослав, но мы для удобства сохраним привычное произношение, как и произношение имени его отца, был варягом. То есть балтийским славянином из племенного союза ободритов, из племени русь.

3. Кто на море хозяин?

*И внезапно, где играют
Всплески белые прибоя,
Из-за мыса выбегают
Волнорезы Боривоя,
Расписными парусами
Море синее покрыто.
Развилось по ветру знамя
Из божницы Святовита.
Плещут весла, блещут брони,
Топоры звенят стальные,
И, как бешеные кони,
Ржуют вольнки боевые.*

А.К. Толстой, «Боривой»

Варяги – славяне? Славяне – мореходы, пираты и воители? Возможно ли это? С легкой руки славянофилов мы привыкли видеть в балтийских славянах-вендах несчастные, безответные жертвы агрессии злобных тевтонов, а никак не полноправных участников кипучей и зачастую кровавой жизни европейского Севера. На этой привычке, кроме прочего, держится Магометов гроб норманнизма. Варяги не норманны? А кто же? Про балтийских славян читатель, как правило, знает только то, что они жили на землях сегодняшней Восточной Германии, что их истребили или покорили немцы, что у них был храм Святовита в Арконе на острове

Рюген и Сварожича в Радигоще... и то не всегда.

В 1913 году Велимир Хлебников писал в статье «О расширении пределов Российской словесности»: «Рюген, с его грозными Божествами, и загадочные поморяне, и полабские славяне... лишь отчасти затронуты в песнях Алексея Толстого». Что ж, Алексея Толстого я благодарю – эпитафиями в этой главе. Но дело не в нем, а в том, что и сейчас положение ничуть не изменилось по сравнению с пресловутым 1913 годом! Венды так и остались для читателя «белым пятном». Чуть ли не единственное серьезное исследование про них – «История балтийских славян» Гильфердинга – увидело свет в 1855 году и с тех пор было переиздано единственный раз, в 1994-м, микроскопическим тиражом, в мягкой обложке. Труды по истории России, где подробно рассказывалось про вендов – «Варяги и Русь» С.А. Гедеонова, «История русской жизни с древнейших времен» И.Е. Забелина, – не переиздавались вообще. Больше того, на спецхрановских экземплярах Забелина, на титульном листе, синел советский штамп «Запрещено».

Что скажешь, славно советская наука «боролась с норманнизмом». «Реакционер» Погодин – пожалуйста, «монархист» Карамзин – в каждой библиотеке. А Гедеонов с Гильфердингом – под спудом. А Забелин – запрещен. Как тут дивиться живучести норманнизма! Дело, конечно, исключительно в его научных достоинствах...

Что ж, начнем, пожалуй, с торговли. Славянин в роли куп-

да нам все же привычнее, чем в роли морехода-воителя. Кто не помнит Садко (не по былине, так по опере, не по опере, так по фильму) или Мизгиря из «Снегурочки»? Так вот, славянские купцы на Балтике отнюдь не плелись в хвосте у норманнов. Наоборот, клады серебряных арабских монет в славянской Прибалтике, по исследованиям В. Янина и Й. Хермана, появляются с конца VIII века, а первые скандинавские клады датируются концом IX! То есть на сто лет позже. Уже из этого ясно, кто ворочал балтийской торговлей. А также и то, кто первым освоил путь из Балтики на Восток через Восточную Европу. И не зря Русь называлась Гарды, Гардарики – по-вендски-то, в отличие от скандинавского, «гард» значило вовсе не «хутор» и не «ограда», а именно «город»! На северо-западе Польши, на остатке вендского Поморья, до сих пор существуют Старгард, Новогард и Бялогард. А значит, и название Новгорода, и имя Киева, и название Константинополя – как вы помните, читатель, они все заканчиваются на «гард» – норманны впервые услышали от вендов. Средневековый торговый союз Ганза известен многим. Немногие обращают внимание, что состояли в нем бывшие вендские города, с названиями, не требующими перевода для славян, – Бремен, Любек, Росток. И... Новгород. Да, Новгород тоже входил в Ганзу. Чем объяснить это странное объединение, если не вендскими корнями балтийской торговли, не связями, сложившимися еще до эпохи викингов? Один из торговых городов вендов, Волин в устье Одера-Одры монах Адам

Бременский назвал «самым большим городом Европы»! Это писал монах *Римской* церкви, европеец, не питавший никакого пристрастия к закоренелым славянским язычникам. Что ж, не один век строился фундамент торгового благополучия вендов. И сохранился надолго, после гибели вендской цивилизации в пламени *Drang nach Osten* послужив фундаментом для здания Ганзы.

Господство славян-вендов в балтийской торговле оставило след и в скандинавских языках. Е. Мельникова насчитывает 12 славянских заимствований в них (напомним, что скандинавских в древнерусском – меньше). И большинство из них относится к торговле. Славянские купцы приезжали на торг (*torgh*) на лодьях (*lodhia*). Любопытно, что ни одно слово из богатейшего морского словаря норманнов в славянские языки не попало. У славян были свои слова для морского дела, появившиеся до эпохи викингов, в те времена, когда плавание легендарного конунга Хрольва Жердинки из Дании в Швецию было для скандинавов странствием на край света. Суда Олега Вещего летопись называет не «драккарами» или «кноррами», а «кораблями», от вендского *korab*. Впрочем, славянские купцы могли приехать и верхами, в седлах (*sadul*) с высокими луками (*loka*), везя товар в седельных мешках – кош (*katse*). Приехав, они устраивались на лавах (*lava*) и извлекали безмены (*besman*) и товар: шелка (*silki*), вместе с арабским серебром приходившими с Востока, и соболей (*sobel*) из русских лесов. Их путь, тяже-

лый и опасный, пролегал через множество границ (graens), и купцы были рады после торга отдохнуть и закрепить сделку ковшом пива с хмелем (humle).

Торговые пути балтийских славян – по крайней мере, их часть

Однако есть еще одно заимствование, выбивающееся из нарисованной нами мирной картинки. Это слово – *polutasvarf*, полюдье, объезд с целью сбора дани. У скандинавов он назывался *вейцла*. Как же и зачем могло попасть к скандинавам еще и славянское название такой поездки? Неужели...

Неужели было время, когда по скандинавским землям разъезжали за данью люди, называвшие такие поездки полю-

дьем?

Именно это утверждает средневековый польский хронист Кадлубек. Он передает предание, по которому в древности славяне победили воинов «Даномалхийских» (Данемаркских, Датских) островов и предложили им, на выбор, или платить дань, или носить, в знак поражения и позора, женские длинные волосы, убранные в косы. Пока датчане колебались и выбирали, нетерпеливые славяне снова напали на них, завершили разгром и принудили и к тому, и к другому.

Конечно, перед нами народная легенда с изрядной долей насмешки. Это насмешка над неповоротливостью, нерасторопностью датчан и вообще скандинавов. О ней в Европе ходит не меньше анекдотов, чем у нас – про «карья-ачих эсто-онских парне-ей». Кстати, по одному этому ясно, что «весьма проворные данаи» из рассказа Титмара Мезербургского про Киев могут означать никак не данов-датчан, а только действительно шустрых «данайцев»-греков.

Вторая цель насмешки – прически скандинавов. Сами славяне, вопреки привычному нам образу «древнего славянина» с волосами до плеч и бородою лопатой, коротко стригли, а то и брили волосы и бороды. Знатные воины – лютичи у Титмара, польский князь Котышко – могли в знак высокого рода и воинской удали оставлять на макушке или на передней части черепа клоч несбритых волос, словно дразня врага: «Попробуй-ка, ухвати!» Арконский кумир Святовита имел обриту голову и бороду «сообразно народному

обычаю», по словам Саксона Грамматика. Наоборот, жрецы носили длинные волосы и бороды «вопреки обыкновению». Длинные, часто убранные в косы, волосы и бороды скандинавов смешали славян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.